

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Понятие и правовая природа международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства	20
§ 1. Концепт международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: поиск оптимального решения.	21
§ 2. Свойства, функции и принципы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства	35
§ 3. Место международного сотрудничества по уголовным делам в системе юридических наук.	57
Глава II. Общая характеристика международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства	67
§ 1. Система источников права о международном сотрудничестве в сфере уголовной юстиции	68
§ 1.1. Международно-правовые источники	72
§ 1.2. Национально-правовые источники	111
§ 2. Основные формы, виды и направления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства	137
Глава III. Концептуальные вопросы применения норм, регламентирующих международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства	163
§ 1. Понятие, структура и классификация норм о международном сотрудничестве в уголовно-процессуальной сфере	164
§ 2. Уровни норм, регламентирующих международное сотрудничество в сфере уголовной юстиции, и их соотношение между собой.	170
§ 2.1. Международно-правовой уровень	171
§ 2.2. Внутригосударственный уровень	178
§ 2.3. Соотношение международных и национально-правовых норм.	188
§ 3. Толкование норм, регламентирующих международное сотрудничество по уголовным делам	199
Глава IV. Правоотношения при осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного процесса	204
§ 1. Международные правоотношения в сфере уголовно-процессуального сотрудничества.	205

§ 2. Внутригосударственные уголовно-процессуальные правоотношения в области международного сотрудничества	214
§ 3. Межсистемные (комплексные) правоотношения в сфере международного сотрудничества по уголовным делам.	262
Глава V. Некоторые аспекты теории уголовных доказательств в контексте международного сотрудничества	267
§ 1. Особенности собирания уголовных доказательств, находящихся за рубежом	269
§ 2. Унификация механизма проверки и оценки уголовных доказательств, полученных на территории иностранного государства	295
Заключение	311
Список использованных источников и литературы	317

ВВЕДЕНИЕ

Интеграция и глобализация финансово-экономических отношений, открытость государственных границ¹, перманентное развитие информационно-телекоммуникационных технологий сыграли не только положительную роль для общества, но и явились детерминантом увеличения роста преступности, имеющей все более транснациональный, а во многих случаях и глобальный характер². В первую очередь это относится к преступлениям, совершаемым интернациональными преступными организациями, в частности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, оружия, боеприпасов, торговли людьми и незаконной миграции. Ощутимый ущерб государствам наносит терроризм и экстремизм, а также преступления коррупционной направленности, ставя под угрозу безопасность международного сообщества в целом. Процессы цифровизации активизировали «киберпреступления»³, которые, как правило, не связаны границами одного государства

¹ Зачастую это относится к иностранным гражданам, которые совершают преступления на территории одного государства и сразу же стремятся ее покинуть. На примере России см.: Портал правовой статистики // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 01.04.2024).

² Положение в мире в области преступности и уголовного правосудия. Доклад Генерального секретаря // Десятый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Документ ООН A/CONF.187/5, 15 December 1999; Доклад о положении в области преступности и уголовного правосудия в мире. Записка Секретариата // ЭКОСОС. Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Документ ООН E/CN.15/2015/5, 2 March 2015; Положение в мире в области преступности и уголовного правосудия. Доклад Генерального секретаря // Четырнадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Документ ООН A/CONF.234/11, 23 January 2020.

³ Основу киберпреступности составляют не только исчерпывающий круг деяний, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных или систем, но также и деяния, предполагающие использование компьютера в целях извлечения личной или финансовой прибыли или причинения личного или финансового вреда, включая формы преступлений, связанных с использованием персональных данных, и деяния, связанные с содержанием компьютерных данных (см.: Всестороннее исследование проблем киберпреступности, подготовленное Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Нью-Йорк, 2013. С. 17). Понимание так называемых компьютерных преступлений как *latro sensu*, так и *stricto sensu* содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3. Однако в принятом Специальным комитетом ООН проекте Конвенции ООН против киберпреступности криминализировало 10 видов

и совершаются в различных уголках мира, нанося при этом ущерб многим странам. Использование современных информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступлений осложняет их раскрытие и расследование, поскольку вызвано помимо технических трудностей также и рядом факторов правового характера, в особенности юрисдикционного плана. Доходы от преступлений, совершенных в одном государстве, в большинстве случаев посредством «транзитирования» через цепочку стран аккумулируются в государствах, где действует наиболее благоприятный для злоумышленников экономический и юридический климат (офшоры), что создает существенные трудности для их обратной репатриации¹. Соответственно, наблюдается современная угнетающая тенденция выхода различных форм организованной преступности, коррупции и многих других преступлений за пределы одного государства, что неоднократно подчеркивается различными специалистами².

Кроме того, в последнее время усматривается появление новых способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, имеющих иностранный, или, как иногда именуют, международный характер³, что обусловлено появ-

нарушений, оставляя за скобками преступления, связанные с террористической и экстремистской деятельностью, с распространением наркотиков, незаконным оборотом оружия, склонением к самоубийству, реабилитацией нацизма и др. Хотя в то же время в преамбуле проекта Конвенции подчеркивается необходимость расширения координации и сотрудничества между государствами по этим вопросам (см.: Проект конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности // Документ ООН А/АС.291. L.15, 7 August 2024).

¹ В этой связи в Российской Федерации принят ряд ведомственных документов. Например, см.: Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 31.08.2020 № 442/35 // Законность. 2020. № 10. С. 55–57; Соглашение о взаимодействии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации при реализации полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» от 20.08.2019 // Законность. 2019. № 11. С. 72–73. В настоящей работе некоторые документы приводятся из личного архива автора, если иное не оговорено. Одновременно стоит заметить, что проблемы возврата из-за рубежа имущества, полученного преступным путем, являются проблемой и государств, в которых такие активы оседают. См.: Руководство по осуществлению международного сотрудничества в сфере конфискации имущества и борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, подготовленное Отделом конфискации имущества и борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем, Управления по уголовным делам Министерства юстиции США. Нью-Йорк: Министерство юстиции США, 2005.

² Уголовная юстиция: Проблемы международного сотрудничества. М.: БЕК, 1995; Wittkamper G. W., Klevert P., Kohl A. Europa und die innere Sicherheit. ВКА – Wiesbaden, 1996; Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Транснациональная преступность: Проблемы и пути их решения. М., 1997; Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003; Гыскэ А. В. Современная российская преступность и проблемы безопасности общества (политический анализ): монография. М.: Медицина для всех, 2000.

³ Следует различать «международные преступления» от «преступлений международного характера», поскольку первые представляют собой наиболее опасные для чело-

лением новых негосударственных систем расчетов, базирующихся на цифровых валютах, где особую роль играет криптовалюта¹, прежде всего в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ², а также при финансировании терроризма и экстремизма³.

веческой цивилизации нарушения принципов и норм международного права, имеющих основополагающее значение для обеспечения мира, защиты личности и жизненно важных интересов международного сообщества в целом. К ним относятся в первую очередь преступления против мира и человечности, военные преступления, геноцид, апартеид и др. Что же касается преступлений международного характера, то ими являются деяния, которые предусмотрены международным договором, не относящиеся к преступлениям против человечества, мира и безопасности, но посягающие на нормальные стабильные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных сферах отношений, а также организациям и гражданам, наказуемые либо согласно нормам, установленным в международных договорах, либо согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с такими договорами. Стоит также проводить разграничение указанных понятий с таким правовым феноменом, как «*транснациональные преступления, посягающие на внутригосударственный порядок*» (иногда используют просто термин «транснациональные преступления»), которые представляют общеуголовные преступления, попадающие под юрисдикцию двух или более государств (см.: *Волеводз А.Г.* Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М.: Юрлитинформ, 2002. С. 8–9; *Русанов Г.А.* К вопросу о соотношении понятий «международное уголовное преступление», «преступление международного характера», «транснациональное преступление» // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2013. № 4. С. 5–6).

¹ Guide on Seizing Cryptocurrencies // Cybercrime Programme Office of the Council of Europe (10 February 2021) // European Union. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/-/iproceeds-2-guide-on-seizing-cryptocurrencies-available-on-the-octopus-cybercrime-community> (дата обращения: 01.04.2024).

² Наиболее резонансным международным примером, где фигурировала криптовалюта при сбыте наркотических средств, явилось закрытие даркнет-площадки «Шелковый путь» (*Silk Road*), названной в честь караванной дороги — торгового маршрута между Европой и Восточной Азией, проложенного во II в. до н.э. (*Maras M.-H.* Inside Darknet: the takedown of Silk Road // *Criminal Justice Matters.* Vol. 98. Issue 1. P. 22–23).

Организатора этого «теневого» интернет-магазина Росса Ульбрихта (*Ross Ulbricht*) приговорили к пожизненному сроку лишения свободы, что является положительным примером в раскрытии, расследовании и рассмотрении уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных с использованием различных видов цифровых активов // *United States of America v. Ross William Ulbricht*, No. 15–1815-cr (2d Cir. May 31, 2017) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca2/15-1815/15-1815-2017-05-31.html>; *United States of America v. Ross William Ulbricht*, No. 1:13-cv-06919-KBF (S. D. N. Y Sept. 29, 2017) // SHERLOC. URL: <https://sherloc.unodc.org/cld/en/v3/sherloc/cldb/index.html> (дата обращения: 01.04.2024).

³ *Ализаде В.А.* О формировании правового регулирования контроля за оборотом криптовалюты в антикриминальных целях (на примере Европейского союза) // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2018. № 3. С. 19–22; *Ализаде В.А., Волеводз А.Г.* Судебная практика применения ст. 174.1 УК РФ по делам о наркопреступлениях, совершаемых с использованием криптовалюты // *Наркоконтроль.* 2017. № 4 (22). С. 8–14; *Их же.* Неприменение ст. 174.1 УК РФ по делам о наркопреступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, как следствие непонимания сущности легализации (отмывания) нового вида преступных активов // *Наркоконтроль.* 2018. № 1 (50). С. 5–13; *Их же.* Судебная практика по делам о преступлениях

Возникающие в некоторых уголках мира сложные политические и фактические ситуации в последние годы способствуют широкому распространению международных преступлений, вызывающих озабоченность всего мирового сообщества. Они происходят в условиях вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера на территории Украины, Сирии, Ливии, Судана¹. Приведенные обстоятельства требуют создания и деятельности международных судебных и квазисудебных органов, являющихся основными субъектами, правомочными задействовать международное уголовное право². Отнюдь это никоим образом не означает бездействие национальных правоохранительных органов³.

Все это требует унификации уголовно-правовой борьбы с преступностью, что полностью согласуется с общечеловеческим подходом, который афористично преподнес Л. Н. Толстой: «Если плохие люди объединяются, хорошие люди должны это сделать обязательно»⁴, поскольку безнаказанность постоянно поощряет преступника (*impunitas continuum affectum tribuit delinquendi*)⁵.

преступных сообществ (преступных организаций) в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и криптовалюты // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 6 (35). С. 281–299; *Их же*. Судебная практика по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием криптовалюты: от разных подходов к предложению единого понимания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1 (36). С. 306–333; *Сидоренко Э.Л.* Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 8–10; *Ее же*. Наркотики и криптовалюта: мировые криминологические тренды // Наркоконтроль. 2018. № 2. С. 8–13; *Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасенников Б.А., Березкин Ю.М., Суходолов Я.А.* Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 85–93; *Кунев Д.А.* Международно-правовые стандарты противодействия криминальному обороту криптовалют и иных виртуальных активов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1 (87). С. 146–147.

¹ *Шестаков Д.А.* Агрессия против суверенной Ливии, набросок формул // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4 (23). С. 10–15; *Волеводз А.Г.* Уголовное дело о военных преступлениях в Украине: на каком основании оно возбуждено в России? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3 (34). С. 52–57; *Белый И.Ю.* О создании специального международного уголовного трибунала по преступлениям в Сирии // Вестник военного права. 2017. № 1. С. 82–84;

² *Волеводз А.Г., Волеводз В.А.* Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3 (4). С. 3–13.

³ Трагедия юго-востока Украины. Белая книга преступлений / под ред. А. И. Бастрыкина. 2-е изд., доп. М., 2015.

⁴ Приводится по: *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. I. Общая часть. М.: Юрайт, 2011. С. 989.

⁵ Здесь и далее при оперировании латинскими выражениями используются следующие работы: *Темнов Е.И.* Латинские юридические изречения. М.: Юрист, 1966; *Маршалок Н.В., Ульянова И.Л.* Латинские термины в современном международном праве: Латинско-русский, русско-латинский словарь. М.: Статут, 2015; *Маршалок Н.В.* Латинский язык и античное наследие в международной уголовной юстиции: Ч. I. Латинский язык и латинская терминология в международном праве и уголовной юстиции: учеб. пособие / Н. В. Маршалок, И. Л. Ульянова; под науч. ред. А. Г. Волеводза. М.: Прометей, 2022.

В этой связи уместно пишет А. Н. Штиглиц, отчасти не соглашаясь с древнегреческим мыслителем Аристотелем о том, что государство является совершенной формой человеческого общежития, приводя в пример еще более высокую материю — международный союз¹. Переноса эти аргументы исключительно в юридическую плоскость, стоит констатировать, что без совместных и согласованных действий правоохранительных органов сотрудничающих государств выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать такие преступления крайне затруднительно, а в некоторых случаях и вовсе может представиться невозможным в силу ряда неустранимых обстоятельств. При этом какие-либо факторы, в том числе политические², не должны отражаться на общей международной задаче — борьбе с преступностью (*sic!*)³. Как обоснованно отмечается некоторыми юристами, даже наличие войны между государствами не должно аннулировать договорные обязательства в сфере сотрудничества, ее наличие имеет, как показывает история, временный характер, хоть и затяжной, что порождает приостановление международных соглашений, а отсюда и взаимодействия во всех сферах деятельности⁴, что было сформулировано еще в древние времена согласно максиме: *incorporalia bello non adquirentur*.

¹ Штиглиц А. Н. Исследование о выдаче преступников. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 42.

² См.: Быкова Е. В., Выкуб В. С. Негативное влияние политических процессов на международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 5. С. 7–10.

³ См. также: Наумов А. В. Слухи о смерти международного уголовного права и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства необоснованны // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 3–6.

⁴ Bassiouni M. C. International Extradition: United States Law and Practice. 6th ed. New York: Oxford University Press, 2014. P. 165.

Применительно к Российской Федерации, в связи с изданием постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22.02.2022 № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1418) ряд иностранных государств, исходя из авторского анализа официальной статистической информации Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации (период — с 2006 по 2024 г.), самоустраились от взаимодействия в уголовно-процессуальной сфере, что подчеркивает некую недопустимую политическую составляющую в вопросах противодействия преступности, нежели правовую, которая коллективно обязывает на международной арене бороться со всеми формами преступности. В то же время это не означает следование девизу: *inadimplenti non est adimplendum* (нет необходимости выполнять обязательство перед тем, кто не выполнил свое). Просто-напросто усматривается некая «правовая стагнация» на определенный период. Такой подход со стороны отдельных иностранных государств снова подчеркивает актуальность вопроса о подмене традиционного международного права «международным порядком, основанным на правилах», представляющим совокупность норм и принципов преимущественно неюридической природы и характера, которые используются тем не менее для обоснования правомерности действий исключительно отдельного или отдельных государств с точки зрения международного права (см.: Копылова Е. А., Синякин И. И. Блоковость как будущее международного права. М.: Бослен, 2023. С. 10). Однако есть классическое понимание международного права, целью которого является защита общих интересов (см.: Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. Курс международного права / Д. И. Каченовский; Международное право / М. Н. Капустин; Лекция по международ-

Системообразующим компонентом взаимодействия компетентных органов и судов различных государств, а также международных организаций в подобных случаях выступает международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, которое, как отмечается некоторыми специалистами, включает в себя:

- выдачу лиц для уголовного преследования (привлечения к уголовной ответственности) или исполнения приговора, то есть экстрадицию¹;
- взаимную правовую помощь по уголовным делам;
- передачу уголовного преследования (уголовного судопроизводства);
- признание и исполнение приговоров и решений иностранных судов по уголовным делам, подразумевая передачу осужденных за рубежом лиц для отбывания уголовного наказания и передачу лиц, страдающих

ному праву / Н. М. Коркунов. М.: Международные отношения, 2021). Одновременно по соображениям практической составляющей иностранные исследователи отмечают, что международное право в действительности отражает интересы исключительно влиятельных государств (см.: *Goldsmith J. L., Posner E. A. The Limits of International Law. New York: Oxford University Press, 2005. P. 3–17*). Поэтому некоторые российские исследователи отмечают, что «международное право, сформировавшееся по итогам Второй мировой войны, ныне уже не в силах остановить негативные процессы, наблюдаемые в межчеловеческих отношениях» (*Дорошков В. В. Уголовное правосудие в условиях метамодерна и умеренного консерватизма: монография. М.: Прометей, 2023. С. 18*). Об этом также см.: Генпрокуратура сообщила об отказе Европы выдавать России преступников (12 июля 2022 г.) // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/07/2022/62cd04469a79477f543d1b19> (дата обращения: 01.04.2024). Подробнее см.: *Амиров Д. Р. Механизм оказания правовой помощи по уголовным делам после выхода России из Совета Европы // Уголовный процесс. 2023. № 6 (222). С. 72–77*.

Следует также подчеркнуть, что выход 16 марта 2022 г. Российской Федерации из состава Совета Европы и ряда комитетов не отразился на договорах относительно взаимодействия в уголовно-процессуальной сфере, заключенных под эгидой данной международной межправительственной организации, поскольку их участниками могут являться не только государства — члены Совета Европы. Прекращение их действия для Российской Федерации будет лишь в случае их официальной денонсации. Кроме того, не стоит исключать и *status quo* (см.: Федеральный закон Российской Федерации от 28.02.2023 «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 10. Ст. 1566). При этом констатируются действующие проблемы и отмечаются перспективы такого взаимодействия (см.: *Литвишко П. А. Антикриминальное взаимодействие Российской Федерации с иностранными государствами и территориями, совершающими недружественные действия в отношении Российской Федерации, ее юридических и физических лиц // Законность. 2024. № 5 (1075). С. 26–35*). Нераспространение юрисдикции Европейского Суда по правам человека на территории Российской Федерации не исключает возможность обращения в иные межгосударственные органы, решения которых при определенных условиях также могут быть основанием для пересмотра российских судебных решений (см.: *Зимненко Б. Л. Пересмотр судебных актов в связи с установлением комитетами нарушения РФ международных договоров // Уголовный процесс. 2023. № 5 (221). С. 76–80*).

¹ В настоящем исследовании автор использует термины «выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» и «экстрадиция» как синонимы, о чем подробнее говорится в § 2 Главы II. Здесь же отметим, что в последнее время такая позиция возобладала на доктринальном уровне (см.: *Смолькова И. В. Выдача (экстрадиция) лица для уголовного преследования или исполнения приговора. М.: Юрлитинформ, 2022*). Это вопрос понятий, а не существа.

психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в страны их постоянного проживания;

- оказание содействия органам международного уголовного правосудия (международной уголовной юстиции)¹.

При этом неполнота правовой регламентации в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве такого многогранного и межсистемного образования, как международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, порождает в правоприменительной практике множество проблем, затрудняющих реализацию требований закона о назначении уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ). Об этом наглядно свидетельствует активная роль российского законодателя в части совершенствования и принятия новых норм по вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 1 — «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства»²; ч. 3 ст. 2 и ч. 11 ст. 3 — «Действие уголовно-процессуального закона в пространстве и в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства»³; ч. 5 ст. 108 — «Заключение под стражу лиц, объявленных в межгосударственный и/или международный розыск»⁴; ч. 2 ст. 160.1 — «Меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий»⁵). Постепенный переход от традиционного направления запросов в области международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, вызванный объективными событиями (пандемией COVID-19), на электронный формат взаимодействия⁶ также требует научного анализа, с тем чтобы спрогнозировать как положительные, так и негативные тенденции.

Не менее важным видится и то, что «в целях противодействия принятию иностранными и международными органами односторонних мер по нелегитимному самостоятельному сбору доказательств, включая электронные, и иных сведений в Российской Федерации, в том числе посредством дистанционных трансгра-

¹ *Волеводз А. Г.* Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 4. С. 99–117.

² Федеральный закон от 08.12.2020 № 419-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» //Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (Ч. III). Ст. 8064.

³ Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4559.

⁴ Федеральный закон от 06.03.2019 № 21-ФЗ «О внесении изменения в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 10. Ст. 891.

⁵ Федеральный закон от 27.12.2018 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8456.

⁶ См.: *Литвишко П. А., Михалева Е. С.* Состояние и перспективы электронного взаимодействия при оказании международной правовой помощи по уголовным делам и правоохранительного содействия // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2 (88). С. 130–144.

ничных контактов из-за рубежа с физическими и юридическими лицами, находящимися на территории Российской Федерации, проведению мероприятий по выманиванию таким путем российских граждан за рубеж в целях их задержания Генеральной прокуратурой Российской Федерации с учетом зарубежного опыта разработан проект «блокирующего федерального закона»¹.

Более того, многие системные положения, нашедшие свое закрепление в отдельной части 5 УПК РФ («Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства»), не подвергались на протяжении многих лет корректировке с учетом новых вызовов и угроз, несмотря на недавние изменения концептуальных подходов, выработанных международными договорами с участием Российской Федерации (к примеру, принятие Федерального закона от 06.06.2019 № 120-ФЗ, посвященного ратификации Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам²). Во многом сложившаяся ситуация предопределяется одновременно наличием ригидности и отсутствием теоретического обоснования возможных путей разрешения возникающих проблем. Как представляется, по этим причинам многие традиционные формы и виды международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства используются рестриктивно (к примеру, институт передачи уголовного преследования³) либо вовсе не имплементированы в отечественное законодательство и прак-

¹ «Статья 294.1. Незаконное осуществление следственных, иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий на территории Российской Федерации. Проведение иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации (международного органа), в которой не участвует Российская Федерация, следственного или иного процессуального действия, а равно оперативно-розыскного мероприятия на территории Российской Федерации в интересах иностранного государства, публичной международной организации (международного органа), в которой не участвует Российская Федерация, в том числе путем использования систем видео-конференц-связи или других средств связи с лицом, находящимся на территории Российской Федерации, в нарушение порядка взаимодействия с иностранными и международными правоохранительными и судебными органами, предусмотренного международным договором и (или) законодательством Российской Федерации, и в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет» (*Литвишко П. А.* О российских инициативах по противодействию противоправному сбору доказательств в киберпространстве представителями иностранных государств и международных органов: сб. мат. Международной научно-практической конференции «Проблемы противодействия киберпреступности» (28 апреля 2023 г.). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 97–98)).

² Федеральный закон от 06.06.2019 № 120-ФЗ «О ратификации Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 23. Ст. 2903.

³ В настоящее время внесен в Государственную Думу Российской Федерации законопроект, направленный на расширение пределов применения ст. 458 УПК РФ (по отношению к кругу лиц, в отношении которых возможно задействовать данный механизм, а также разрешение коллизий, связанных с заочным осуждением). См.: Законопроект № 687676-8 «О внесении изменений в статью 458 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/687676-8?ysclid=m099hyvciv945227893> (дата обращения: 25.08.2024).

тику (например, совместные [международные] следственные группы, видеоконференц-связь и т. д.). Поэтому среди ученых до сих пор обсуждается необходимость корректировки соответствующих уголовно-процессуальных норм в области международных сношений¹. Указанные обстоятельства негативно сказываются на исполнении Российской Федерацией принятых на себя международных обязательств в уголовно-процессуальной сфере, а также порождают существенные проблемы и ошибки на практике в ходе производства по уголовным делам с иностранным элементом.

Как обоснованно отметил в свое время П. Л. Чебышев, «сближение теории с практикой дает самые благотворные результаты, и не одна только практика от этого выигрывает: сами науки развиваются под влиянием ее: она открывает им новые предметы для исследования или новые стороны в предметах давно известных... Если теория много выигрывает от новых приложений старой методы или от новых развитий ее, то она еще более приобретает открытием новых метод, и в этом случае науки находят себе верного руководителя в практике»². В быту также на этот счет имеется *locus classicos*: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа!» Очевидно, что это *factum notorium* не нуждается в дополнительном комментарии.

Исследование обозначенных выше особенностей и проблем международного сотрудничества в сфере уголовного процесса³ не представляется возможным в отрыве от теоретических посылок⁴. Между тем на сегодняшний день констатируется отсутствие единого концептуального подхода к определению понятия рассматриваемого нами феномена, а также его правовой природы, в том числе свойств, функций, принципов и места в системе права двух систем (международной и национальной), особенно в отечественном уголовном процессе. Кроме того, до сих пор не выработана в доктрине и практике система источников права, основных форм, направлений и ви-

¹ См.: Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство современной России. Векторы модернизации. М.: Международные отношения, 2024. С. 808–817.

² Прудников В. Е. Пафнутий Львович Чебышев, 1821–1894 / Академия наук СССР; отв. ред. Е. П. Ожегова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. С. 7.

³ В настоящей работе автор исходит из тождества понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». Это вытекает, во-первых, из системного толкования положений российского уголовно-процессуального законодательства (например, п. 58 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ под участниками уголовного судопроизводства понимаются лица, принимающие участие в уголовном процессе), во-вторых, из многогранности в подходах, используемых в иностранных государствах при определении уголовно-процессуальных отношений, наконец, в-третьих, из исторических корней такого вида государственной деятельности (подробнее об этом см.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 37).

⁴ Как отметила в 2001 г. В. М. Волженкина, по вопросам сотрудничества в уголовном судопроизводстве лишь 4–5 специалистов из ста обладают минимумом знаний при полной некомпетентности остальных. Большую степень неподготовленности обнаруживают прокуроры — государственные обвинители (Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб.: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ. 2001. С. 127). Заметим, что такая тенденция до сих пор остается в силе.